

На зайцевъ съ гончими.

(ДЕРЕВЕНСКІЯ КАРТИНКИ.)

I.

Скажите мнѣ, положи руку на сердце, кто изъ васъ отъ казался бы ѣхать на охоту съ гончими, если бы вамъ предложили это въ одинъ изъ ясныхъ, морозныхъ осеннихъ деньковъ. Даже, пожалуй, не отказались бы ѣхать и тѣ изъ васъ, кто не считаетъ себя „заправскимъ“ охотникомъ, а только умѣетъ держать въ рукахъ ружье.

Да и въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ устоять противъ соблазна, который представляетъ изъ себя эта одна изъ самыхъ интереснѣйшихъ охотъ.

Прошелъ августъ мѣсяцъ. Наступили первыя числа сентября—первыя числа „бабьяго лѣта“, какъ называютъ эту пору у насъ на сѣверѣ. Изъ всей осени—это самое лучшее время. Жаль только, что оно продолжается всегда не долго—двѣ, много три недѣли. Но зато этимъ временемъ каждый такъ дорожитъ, что старается не пропустить даромъ ни одного денька. Да какъ же и не дорожить имъ, когда это послѣдніе теплые дни!

Рыбакъ, приютившись на лодкѣ гдѣ-нибудь въ затонѣ, поросшемъ камышомъ и широкими листьями водяныхъ лилій и кувшинокъ, торопится закончить рыбную ловлю и, нажививъ маленькихъ рыбокъ, такъ называемыхъ „живцовъ“, съ увлеченіемъ вытаскиваетъ на нихъ громадныхъ окуней.

Охотникъ спѣшитъ дополнить свои охоты на красную дичь послѣдними выстрѣлами по оставшимся еще кое-гдѣ,

перепеламъ, которые до того разжирѣли на даровыхъ харчахъ, что имъ лѣнь даже подумать въ такіе прекрасные дни объ отлетѣ, пора котораго давно уже наступила.

Сильно грѣющіе лучи этого осенняго предательскаго солнца заставляютъ забыть ихъ о той опасности, которая грозитъ имъ отъ перваго же, наступившаго не сегодня-завтра, мороза.

Охотникъ хорошо знаетъ, что дни этихъ безпечныхъ лѣнивцевъ сочтены, почему, взявъ ружье и захвативъ своего легаваго, отправляется на прогулку и заодно подбираетъ эту вкусную дичь, покуда морозъ не обратилъ еще ее въ безжизненные, окоченѣвшіе трупы, пригодные только развѣ на ужинъ начинающимъ уже въ это время голодать воронамъ. Этимъ уже не удастся теперь схватить отставшаго гдѣ-нибудь отъ матери цыпленка или ушедшую по неосторожности слишкомъ далеко отъ своей норки полевую мышь. Цыплятки всѣ уже подросли настолько, что сами не дадутся въ обиду, а мыши, запасшись провизіей на всю зиму, давно попрятались по своимъ норкамъ, откуда ихъ теперь не выманешь.

А какое наслажденіе доставляетъ во время такихъ прогулокъ дышать этимъ чистымъ, легкимъ, прозрачнымъ осеннимъ воздухомъ! Въ немъ нѣтъ той духоты, которая такъ часто бываетъ лѣтомъ и которая вызываетъ въ васъ непріятное ощущеніе, вполне правильно охарактеризованное русскимъ крестьяниномъ словомъ „парить“.

Рѣдко вы встрѣтите летающихъ насѣкомыхъ. Имъ на смѣну явилась масса длинныхъ, какъ бы висящихъ въ воздухѣ, блестящихъ паутинокъ, которыя, цѣпляясь мало-помалу за жнивье, окутываютъ его и превращаютъ все поле въ колышющееся и играющее на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги, море. А лѣсъ, перемѣнивъ цвѣтъ своего лѣтняго одѣянія, стоитъ не шелохнется — точно замеръ.. Одного только не достаетъ, какъ будто, для полноты этой картины—это пѣвчихъ птицъ. Этихъ вы уже почти совсѣмъ не увидите и не услышите ихъ веселаго щебетанья.

Развѣ пискнетъ гдѣ-нибудь, прицѣпившись къ карнизу вашего дома, синичка, да проскрипитъ свою несложную

пѣснь снигирь—эти вѣстники скорого приближенія зимы. А попробуйте какъ-нибудь въ это время выйти ночью на крыльцо и прислушайтесь. Вы услышите, что воздухъ надъ вами оглашается всевозможными криками пернатыхъ.

Вотъ проскрипѣла какъ бы телѣга—это летятъ журавли, а вотъ раздался вдругъ надъ вашей головой какой-то свистъ... все сильнѣе и сильнѣе... Наконецъ, затихъ.— Это потянули утки.

Все летить, все куда-то торопится, думаете вы, точно боится куда-то опоздать!..

И при этомъ вамъ сдѣлается такъ грустно, — грустно и самого потянетъ куда-то въ даль, неизвѣстно куда!

„Зачѣмъ я не птица, не воронъ степной?“ Промелькнутъ вдругъ у васъ въ головѣ знакомые вамъ стихи... Да, друзья мои! Въ теченіе всей моей жизни мнѣ аккуратно два раза въ годъ приходили на память эти стихи, при чемъ у меня всегда являлась зависть къ этимъ перелетнымъ пернатымъ путешественникамъ и къ ихъ способности легко и во всякое время передвигаться съ одного мѣста на другое.

Это всегда бывало поздней осенью и ранней весной. Поздней осенью, —потому что чувствуешь, какъ съ каждымъ днемъ все ближе и ближе надвигается тотъ день, въ который вся окружающая васъ природа, одѣвшись бѣлымъ снѣжнымъ покровомъ, заснетъ долгимъ спокойнымъ сномъ на нѣсколько мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ тамъ, далеко, куда летятъ ваши пернатые любимцы, жизнь пробуждается и закипаетъ ключомъ. Ранней же весной, съ прилетомъ первыхъ ея вѣстниковъ—крикливыхъ грачей, васъ тянетъ изъ душнаго города въ деревню, въ лѣсъ, желаніе вмѣстѣ съ ними принять болѣе дѣятельное участіе въ этомъ веселомъ пиру природы, великомъ праздникѣ „весенняго ея пробужденія“... Желаніе далеко не всегда исполнимое.

Зачѣмъ не могу въ небесахъ я парить,

И одну лишь свободу любить!!!“ — горькой насмѣшкой прозвучитъ въ вашихъ ушахъ.

Но вотъ черезъ нѣсколько дней, проходя днемъ по двору, вы вдругъ останавливаетесь и смотрите вверхъ.

Ваше вниманіе привлекъ хорошо извѣстный вамъ крикъ — крикъ дикихъ гусей, плавно летящихъ въ голубой синевѣ длинной вереницей, имѣющей видъ остраго угла. Вы начинаете считать ихъ. Путаетесь въ счетѣ, такъ какъ ихъ очень много, и, поглядѣвъ еще разъ съ той же какой-то непонятной грустью имъ въ слѣдъ, продолжаете свой путь, подумавъ про себя: „гуси полетѣли — значитъ, скоро морозы наступятъ“.

И, дѣйствительно, дня черезъ два, ночью вдругъ завернулъ такой морозъ, что листья окончательно пожелтѣли на тѣхъ деревьяхъ, которыя еще случайно стояли зелеными. Теперь достаточно небольшого вѣтра, чтобы всѣ они слетѣли и покрыли землю сплошнымъ желтымъ ковромъ.

За этимъ дѣло не станетъ. Вотъ явился онъ, сильный, могучій, стрѣлой промчался по верхушкамъ деревьевъ, стряхнулъ съ вѣтокъ оставшіеся листья, и лѣсъ, этотъ нашъ общій любимецъ, краса и гордость нашего сѣвера, принялъ тотъ однообразный будничныи видъ, который нельзя однако назвать мрачнымъ. Нѣтъ! И въ обнаженныхъ вѣтвяхъ его есть какая-то прелесть, а та даль, которая открылась теперь, когда не стало листьевъ, не можетъ сравниться ни съ чѣмъ.

Можетъ быть, мы, сѣверяне, находимъ эту прелесть въ немъ, благодаря привычкѣ въ это время года видѣть лѣсъ именно таковымъ, а, можетъ быть, онъ производитъ на насъ то же впечатлѣніе потому, что мы, какъ и всѣ вообще люди, не любимъ однообразія — этого рѣшить не берусь. Но вотъ, наконецъ, земля, замерзающая отъ ночныхъ морозовъ и утренниковъ, перестала днемъ оттаивать и наступили настоящіе морозные осенніе дни — дни охотъ на зайцевъ, которые у каждаго охотника полны всевозможныхъ пріятныхъ воспоминаній, удачъ и неудачъ.

II.

Въ одинъ изъ такихъ дней, помню, я шелъ по обыкновенію на скотный дворъ и, остановившись около нашего дворника-старикашки Алексѣича, налаживавшаго уже „на всякій случай“ дровни для бочки, окрикнулъ его:

— Богъ на помощь, Алексѣичъ, что подѣлываешь?— Спасибо, баринъ, а я вотъ все думаю, какъ бы Богъ не послалъ намъ не сегодня-завтра снѣжку, такъ я вотъ дровни-то и налаживаю... А что, баринъ,—продолжалъ онъ, помолчавъ немного,—не пора ли намъ зайчишекъ потравить гончими? А то вонъ нашъ „Лютый“ да „Зюлейка“ совсѣмъ заскучали.

„Лютый“ и „Зюлейка“ были наши гончія польской породы. Онѣ были взяты у одного изъ сосѣдей еще щенками, и съ тѣхъ поръ находились на постоянномъ попеченіи Алексѣича, который и воспиталъ ихъ по всѣмъ правиламъ искусства и въ надлежащей строгости.

— Что же, Алексѣичъ, — сказалъ я, — можно будетъ сѣздить, я не прочь, да и братъ навѣрно не откажется. Только надо будетъ почистить ружья, а то онѣ немного запылились да и патроновъ надѣлать побольше“.

— А вотъ я, баринъ, ужотко забѣгу, такъ помогу вамъ. Какъ видите, наши роли перемѣнились.

Алексѣичъ былъ страстный охотникъ. Стоило только, бывало, заговорить объ охотѣ, какъ потускнѣвшіе глаза его начинали блестѣть и принимали свой прежній видъ.

Видно было, что это когда-то былъ орелъ-человѣкъ! Къ сожалѣнію, прошлое Алексѣича было для всѣхъ загадкой, такъ какъ о немъ онъ никому не говорилъ ни слова и никогда не любилъ вспоминать. Какъ я ни добивался этого, какъ ни упрашивалъ его рассказать про свое прежнее житье-бытье, но узнать мнѣ такъ ничего и не удалось.

— Что вспоминать старое—было его всегдашнимъ отвѣтомъ,—вамъ оно ни къ чему, а мнѣ выходитъ—старыя раны надо беречь! Лучше поговоримъ о чемъ другомъ.

Все, что было извѣстно про Алексѣича, такъ это то, что онъ пришелъ сюда, откуда-то со стороны еще молодымъ, полнымъ жизни мужикомъ и съ тѣхъ поръ безотлучно живетъ на усадьбѣ вотъ уже четвертый десятокъ, избѣгая всякаго знакомства и кумовства. Только за послѣдніе годы онъ сталъ изрѣдка похаживать по праздникамъ на деревню, чтобы побесѣдовать гдѣ-нибудь на завалинкѣ со стариками, у которыхъ онъ былъ всегда на хорошемъ счету, какъ человѣкъ безусловно трезвый, чест-

ный и умный. Была ли у него гдѣ-нибудь и когда-нибудь семья—неизвѣстно, но у насъ онъ такъ и остался до конца своей жизни „бобылемъ“. Вотъ и все, къ великому моему прискорбію, что я могу сообщить о прошломъ Алексѣича, съ которымъ связаны у меня воспоминанія о самой лучшей и свѣтлой порѣ моей жизни, въ которой онъ игралъ большую роль, такъ какъ былъ приставленъ ко мнѣ и брату, еще юношамъ въ качествѣ дядьки и наставника по двумъ его специальностямъ—рыбной ловлѣ и охотѣ. Поэтому мы еще не разъ впослѣдствіи встрѣтимся съ нимъ въ нашихъ разсказахъ и ближе познакомимся съ этимъ человѣкомъ, который обладалъ счастливой и рѣдкой способностью въ каждомъ встрѣчномъ вызывать къ себѣ самыя искреннія чувства любви и симпатіи.

III.

Начало уже смеркаться, когда въ нашу комнату едва слышно вошелъ Алексѣичъ.

— Простите, баринъ,—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—замѣшкался я малость. Тамъ вонъ сѣрая матка подъ навѣсомъ жеребеночка принесла, такъ мы ее и загоняли въ стойло, а то кабы онъ сердешный не смерзъ.

— А какой масти жеребеночекъ?—поторопился я спросить.

— Саврасенькій, батюшка, саврасенькій жеребчикъ, весь въ отца и ремешекъ черный на спинѣ.

Это извѣстіе насъ очень порадовало, такъ какъ намъ ужасно хотѣлось имѣть жеребятъ, похожихъ на нашего общаго любимца, вятскую лошадь „Савраску“.

— Жаль только, что онъ такъ поздно появился на свѣтъ,—замѣтилъ я,—осенніе жеребята всегда бываютъ плохіе.

— Что же подѣлаешь, воля Божья! Авось, Богъ милостивъ, выйдется, такъ ладный будетъ,—сказалъ Алексѣичъ и принялся за приведеніе въ порядокъ нашихъ ружей и охотничьихъ принадлежностей.

А мы съ братомъ стали продолжать набивку патроновъ.

— Правда ли, баринъ,—началъ послѣ нѣкоторой паузы

нерѣшительнымъ голосомъ тихо Алексѣичъ, — у насъ на деревнѣ баятъ, законъ какой-то новый вышелъ, будто нашему брату охотникамъ какіе-то билеты нужно покупать?..

Выраженіе лица, голосъ и вся фигура Алексѣича въ это время какъ бы говорили: „Вѣдь это не правда?“

— Правда, Алексѣичъ, — сказалъ мой братъ, — сейчасъ этотъ законъ еще не введенъ у насъ, но не сегодня-завтра будетъ введенъ.

Алексѣичъ, не ожидавъ такого отвѣта, положилъ машинально ружье на кровать, устремилъ на брата испуганный взоръ и, чтобы убѣдиться — не шутить ли онъ, по временамъ переводилъ его на меня.

— Какъ же это? Теперича выходитъ, къ примѣру сказать, если я хочу охотиться въ своихъ угодьяхъ, такъ за это, нѣшто, деньги плати, да еще спрашивай какого-то разрѣшенія? Это мнѣ что-то не въ домѣкъ... Да я это думаю и не должно быть, потому это, значить, выходитъ притѣсненіе... Голосъ его задрожалъ и прервался отъ волненія.

— Нѣтъ, Алексѣичъ, успокойся, — сказалъ братъ, — это немного не такъ. Ты самъ знаешь, что за послѣднее время такъ много развелось охотниковъ или, вѣрнѣе сказать, не охотниковъ, а людей шатающихся на охоту отъ скуки, что отъ нихъ не только не стало проходу всякой дичи, но и нашему брату, охотникамъ. Добро бы было, если бы они убивали дичь. Нѣтъ, они во всякое время лѣзутъ и въ лѣсъ и на болото и не бьютъ дичь, а только пугаютъ ее.

— Вотъ почему въ послѣднее время у насъ и стало такъ мало дичи, — вся она перебралась на сѣверъ, въ тайгу, гдѣ ее никто не пугаетъ и гдѣ ей живется привольнѣе. Чтобы избавиться отъ такихъ-то пугалъ и рѣшили ввести у насъ законъ, по которому всякій, кто хочетъ гдѣ бы то ни было стрѣлять дичь или звѣрей, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей, въ своемъ ли имѣніи или въ чужомъ, долженъ пріобрѣсти билетъ, который на годъ стоитъ три рубля.

Это какъ бы за право стрѣльбы. Но кромѣ того, если ты будешь охотиться на чужой землѣ, то долженъ дѣй-

ствительно достать отъ владѣльца этой земли разрѣшеніе. Для нашего брата — настоящихъ охотниковъ (а насъ братъ причислялъ къ таковымъ) заплатить въ годъ три рубля ничего не стоитъ, а что касается разрѣшенія, такъ каждый изъ насъ раздобудетъ его, если захочетъ.

Тѣ же, которые ходили на охоту, чтобы время убить и выпалить на воздухъ нѣсколько десятковъ патроновъ, повѣрь мнѣ, они теперь уже не пойдутъ, такъ какъ имъ не захочется ни билета покупать, ни хлопотать о разрѣшеніи. Для нихъ это, какъ говорится, „не стоитъ овчинка выдѣлки“.

А въ общемъ отъ всего этого для насъ получается только одна выгода. Птицу не будутъ пугать, особенно въ весеннее время, разведется ее у насъ больше, — а тамъ въ разрѣшенное время пострѣливай, да пострѣливай.

И повѣрь мнѣ, все это будетъ къ лучшему.

— Охъ, да! — сказалъ Алексѣичъ, все время внимательно слушавшій, и, покачавъ недовѣрчиво головой, принялся за чистку ружья. Какъ ни были убѣдительны и краснорѣчивы слова брата, пояснявшаго смыслъ закона объ охотѣ, какъ онъ его понималъ, но Алексѣичъ, повидимому, былъ съ чѣмъ-то не согласенъ.

Не сказавъ, однако, съ чѣмъ, онъ постарался перевести разговоръ на другую тему.

Алексѣичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые, проживъ всю жизнь на извѣстныхъ „устояхъ“, всякое измѣненіе въ этихъ „устояхъ“ считаютъ неправильнымъ. И разубѣдить вамъ ихъ въ этомъ никогда не удастся.

Вѣдь они сжились съ этими „устоями“ и, если можно такъ выразиться, сроднились съ ними. А все родное, близкое — всегда мило сердцу cadaго человѣка, какіе бы недостатки оно не имѣло. Это — въ натурѣ русскаго человѣка, каковымъ былъ до мозга костей Алексѣичъ.

У насъ въ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ и до сихъ поръ вы можете встрѣтить въ деревняхъ среди стариковъ людей, считающихъ лѣсъ даромъ Божиимъ, которымъ имѣетъ право безвозмездно пользоваться каждый, почему всякую лѣсную собственность они считаютъ незаконной,

нарушающей ихъ „устой“, на которыхъ они воспитывались полстолѣтїя тому назадъ.

— Поди, къ Конрадычу завтра поѣдемъ? — перемѣняя тему разговора, спросилъ Алексѣичъ.

— Да, какъ всегда, — сказалъ я, — сначала къ нему, а потомъ я думаю, въ „Мордовскій лѣсъ“ махнемъ.

— Ништо, и то хорошо, а тамъ баятъ зайцевъ нонѣ до пропасти развелось.

На этомъ мы покончили нашу бесѣду, такъ какъ все уже было приведено въ порядокъ и патроны набиты.

Пожелавъ покойной ночи Алексѣичу, мы распорядились, чтобы онъ позаботился приготовить завтра къ пяти часамъ вечера лошадей и подмазать маленькую плетенку, а сами отправились ужинать.

IV.

На другой день ровно въ пять часовъ была подана къ крыльцу тройка разгонныхъ соловыхъ лошадей. На козлахъ сидѣлъ Алексѣичъ. На немъ было надѣто все новое, точно онъ собрался къ обѣднѣ въ большой праздникъ. Бодро выпрямивъ свою дряхлую спину, онъ подтягивалъ морды разгорячившихся пристяжныхъ, отъ времени до времени успокаивая ихъ словами.

На козлахъ онъ выглядѣлъ просто молодцомъ. Вотъ нарядить бы его въ хорошій кучерской кафтанъ, — подумалъ я, — и отправить въ Москву, — тамъ такому кучеру дорого бы заплатили. Только дѣло въ томъ, что тамъ онъ такъ не сидѣлъ бы, — вѣдь теперь онъ ѣдетъ на охоту, которой онъ живетъ и которая для него все на свѣтѣ!

Собравъ свои пожитки и захвативъ пару гончихъ, мы усѣлись въ плетенку.

Гончія, почуявъ, что ѣдутъ на охоту, отъ радости подняли такой вой, что ихъ пришлось немного пристрожить, пустивъ въ ходъ плетку, которую всегда необходимо имѣть при себѣ.

— Къ Конрадычу, что ли? — проговорилъ, какъ бы не обращаясь ни къ кому, Алексѣичъ и, не дожидаясь отвѣта, слегка ударилъ коренного и далъ вожжи пристяж-

камъ, которыя дружно подхватили экипажъ и черезъ нѣсколько минутъ мы уже далеко оставили за собой нашу усадьбу, все дальше и дальше углубляясь по широкой дорогѣ въ лѣсъ, покуда за первымъ же поворотомъ не потеряли окончательно ее изъ виду. Проѣхавъ съ версту лѣсомъ, почти сплошь состоящимъ изъ дуба, если не считать изрѣдка попадавшихся между ними березъ, которыя особенно рѣзко бросались въ глаза своими бѣлыми стволами среди совершенно темныхъ вѣковыхъ дубовъ, мы вышли, наконецъ, на опушку.

Сразу передъ нами открылось необозримое пространство распаханной земли, на общемъ темномъ фонѣ которой кое-гдѣ мѣстами виднѣлись то зеленые квадратики озими, то желтыя полосы оставшагося не вспаханнымъ „на зябь“ жнивья.

Справа на горизонтѣ обрисовывался татарскій лѣсъ, прямо противъ насъ возвышалась точно выросшая изъ земли церковная колокольня, на крестѣ которой догорали послѣдніе лучи заходящаго солнца.

Самой церкви, такъ же какъ и села, не было видно, потому что оно было расположено въ балкѣ, прикрытой съ нашей стороны небольшимъ холмомъ.

Лѣвѣе, немного въ сторонѣ отъ этого холма, была видна, какъ на ладони, вся утопавшая въ зелени усадьба Конрадыча, къ которой примыкала довольно большая деревня.

Леонъ Конрадовичъ или, какъ его называлъ Алексѣичъ, Конрадычъ, къ которому мы теперь держали свой путь, былъ одинъ изъ нашихъ ближайшихъ сосѣдей по имѣнію и постоянный соучастникъ во всѣхъ нашихъ охотахъ на зайцевъ. Во-первыхъ, потому что онъ былъ, какъ говорятъ, у насъ, „человѣкъ — душа на распашку“, веселый собесѣдникъ и хорошій стрѣлокъ, а во-вторыхъ — у него были роскошныя гончія, съ которыми врядъ ли кто-нибудь могъ конкурировать.

Онъ отлично зналъ это, но никогда этимъ не кичился.

— Вотъ за это-то мы всѣ его и любили.

— Одно слово, душа человѣкъ, — какъ выражался о немъ Алексѣичъ.

До усадьбы Конрадыча было не болѣе десяти верстъ и черезъ три четверти часа мы уже въѣзжали въ околицу видѣвшейся съ опушки нашего лѣса деревни.

Длинный рядъ избъ, въ большинствѣ случаевъ крытыхъ тесомъ, стройно вытянулся по ту и другую сторону широкой дороги. Между этими избами ютились еще кое-гдѣ покосившіяся и крытыя соломой избенки „бобылей“ и „безлошадныхъ“, но такихъ было немного... Вообще эта деревня считалась одной изъ самыхъ зажиточныхъ въ цѣломъ уѣздѣ, такъ какъ жители ея почти всѣ поголовно занимались зимой „извозомъ“, то-есть составляли артель и брали подрядъ отвезти какой-нибудь товаръ изъ губернскаго города въ уѣздный и обратно. Этотъ промыселъ, къ сожалѣнію, значительно сократившійся съ проведеніемъ желѣзной дороги, служилъ для нихъ большимъ подспорьемъ, всегда давалъ возможность жить болѣе или менѣе зажиточно и содержать постройки свои въ надлежащемъ порядкѣ.

По деревнѣ Алексѣичъ всегда любилъ прокатить съ шикомъ. Лошади точно знали это. Пристяжные, загнувъ особенно красиво колесомъ свою шею и прижавъ уши, подхватывали экипажъ и мы мчались съ быстротой молніи. По временамъ только приходилось Алексѣичу сдерживать ихъ, чтобы не задавить, нехотя поднимающагося, теленка, который расположился отдохнуть на самой дорогѣ.

Къ шуму колесъ и звону нашихъ колокольцовъ присоединялся лай выскакивавшихъ изъ каждой подворотни собакъ.

Почти въ каждой избѣ приподнималось окно, изъ котораго высовывались то голова мальчика съ бѣлыми, какъ ленъ, волосами, то баба, повязанная краснымъ платкомъ.

Какъ тѣ, такъ и другія, съ большимъ любопытствомъ поглядѣвъ на нарушителей ихъ деревенскаго покоя, быстро прятались, захлопывая за собой окно.

Когда мы въѣхали въ усадьбу, то цѣлая куча овчарокъ и дворняжекъ съ лаемъ бросилась на насъ. Наши гончія такъ и рвались, желая помѣриться силами съ этими недружелюбными хозяевами, и намъ пришлось употребить не мало старанія, чтобы удержать ихъ въ плетенкѣ.

Но не успѣли мы еще подѣхать къ крыльцу, какъ къ намъ на выручку вышелъ Конрадычъ, уже давно слышавшій знакомый ему звонъ колокольцевъ.

Прикрикнувъ на собакъ, которыя, поджавъ хвосты, покорно разошлись по своимъ мѣстамъ, онъ подозвалъ стоявшаго въ сторонѣ дворника, передалъ ему гончихъ и, приказавъ ихъ запереть, отдалъ распоряженіе относительно нашихъ лошадей.

— Ну что, Конрадычъ, завтра на охоту поѣдемъ, что-ли? спросилъ я, снимая съ себя патронташъ.

— Да я уже вотъ нѣсколько дней поджидаю васъ къ себѣ съ часу-на-часъ. Удивительно, какъ это вашъ Алексѣичъ запоздалъ нынче?!

На столѣ, накрытомъ чистой бѣлой скатертью, были приготовлены свѣжее сливочное масло, варенецъ и разный хлѣбъ домашняго приготовленія.

Послѣ чая мы улеглись спать. Ночь въ этотъ разъ была очень тихая. Изрѣдка только эта тишина нарушалась гоготаніемъ гусей, расположившихся на ночевку посрединѣ двора.

Порой слышался какой-то странный шумъ—это шумъ отъ протянутой черезъ весь дворъ проволоки, на которой бѣгаетъ спущенная на ночь цѣпная собака—„Султанка“.

Иногда она вдругъ залаетъ и на этотъ лай, точно эхо, раздается отвѣтный лай собакъ во всѣхъ концахъ деревни.

Подъ этотъ лай, иногда переходившій въ заунывый вой, я задремалъ и проснулся только на другой день, рано утромъ, когда въ комнату вошелъ будить насъ Алексѣичъ.

V.

— Ну что, какова погода, Алексѣичъ, было моимъ первымъ вопросомъ.

— Да кто ее знаетъ, кажись, будто ничего,—малость снѣжокъ выпалъ,—сказалъ онъ и началъ открывать ставни.

Изъ этого отвѣта Алексѣича я сразу догадался, что погода для насъ самая благоприятная, потому что, если бы она была не хороша, такъ онъ прямо и сказалъ бы,

что плохая, а разъ онъ даетъ уклончивые отвѣты—это какъ разъ наоборотъ. Онъ только не хочетъ „сглазить“ ее и тѣмъ самымъ испортить нашу охоту.

— Это чудесно,—сказалъ я,—значить, мы сегодня будемъ охотиться по первой порошѣ!

Обрадованный этимъ извѣстіемъ я быстро вскочилъ съ кровати и сталъ одѣваться.

Сборовъ у насъ было, кажется, не много, но одѣваніе, умываніе и чай заняли все-таки около двухъ часовъ и только въ девять часовъ мы вышли на крыльцо, около котораго стояла уже шестимѣстная охотничья линейка, запряженная парой гнѣдыхъ лошадей.

Лишь только мы вышли на воздухъ, какъ насъ обдало той особенной пріятной свѣжестью, которая всегда такъ сильно ощущается только въ день выпаденія перваго снѣга, и на всѣхъ людей дѣйствуетъ опьяняющимъ образомъ.

Такъ и хочется все больше и больше вдыхать въ себя полной грудью этотъ чудный, ни съ чѣмъ несравнимый воздухъ.

Его можно только чувствовать, но передать словами, мнѣ кажется, никто не въ силахъ.

Кто жилъ на сѣверѣ и самъ испыталъ на себѣ дѣйствіе „перваго снѣга“, тотъ навѣрное пойметъ меня.

Алексѣичъ стоялъ уже въ полномъ охотничьемъ облаченіи около экипажа. За спиной у него была неизмѣнная шомпольная „двухстволка“, неизвѣстнаго происхожденія, а въ рукахъ свора гончихъ.

Къ парѣ нашихъ гончихъ были пристегнуты еще три собаки Конрадыча, изъ которыхъ особенной красотой и граціозностью выдѣлялась короткошерстная польская гончая „Квинта“, съ темной спиной, желтыми ушами и подпалинами и такими же ногами.

Алексѣичъ нетерпѣливо переминался на одномъ мѣстѣ и бесѣдовалъ о чемъ-то съ кучеромъ. Но эта бесѣда, по-видимому, для него была мало интересна, такъ какъ онъ, увидавъ насъ, весь просіялъ и, передавъ свору съ гончими кучеру, быстро направился къ намъ помочь—вытащить наши пожитки.

Когда мы проѣхали околицу и, перебравшись черезъ едва живой мостикъ, поднялись на бугоръ, на горизонтѣ показался „мордовскій лѣсъ“, до котораго было около семи верстъ. Туда-то мы и держали свой путь.

Этотъ лѣсъ состоялъ изъ нѣсколькихъ, довольно большихъ „острововъ“, не очень давно вырубленного лѣса и изъ небольшой, но очень старой „заповѣдной рощи“, примыкавшей къ одному изъ нихъ.

Эта роша когда-то была у Мордвы священнымъ мѣстомъ, гдѣ они поклонялись своимъ „идоламъ“ и приносили имъ жертвы.

Но съ принятіемъ христіанства она потеряла свое значеніе, хотя Мордва до сихъ поръ все-таки питаетъ къ ней какое-то благоговѣніе и изъ суевѣрнаго страха не рубятъ ее, почему она изъ года въ годъ и обратилась постепенно въ „заповѣдную“.

Да и вообще надо замѣтить, что многіе изъ инородцевъ въ нашихъ мѣстахъ, хотя и приняли христіанство, но на ряду съ этимъ почти въ каждой избѣ вы найдете деревянную куклу, которую въ случаѣ какой-нибудь удачи хозяинъ ставитъ въ передній уголъ и кладетъ ей въ ротъ кусочекъ сала, а въ случаѣ неудачи бьетъ ее вѣникомъ, бросаетъ на полъ куда-нибудь въ уголъ и накрываетъ ее тѣмъ же вѣникомъ.

При такомъ положеніи дѣлъ становится вполне понятнымъ тотъ страхъ и уваженіе, которые передаются изъ рода въ родъ къ этой, когда-то бывшей въ ихъ глазахъ священной рошѣ.

Не знаю, существуетъ ли еще теперь эта прекрасная роша, но я думаю, что уменьшающійся съ каждымъ годомъ суевѣрный страхъ, благодаря болѣе глубокому пониманію христіанства, съ одной стороны, и сильно возрастающая ежегодно нужда въ дровахъ съ другой, давно уже заставили Мордву подкосить этихъ безмолвныхъ свидѣтелей исторіи ихъ прошлаго, этихъ столѣтнихъ гигантовъ—дубовъ, олицетворявшихъ нѣкогда собой всю мощь природы!..

Чѣмъ дальше мы отъѣзжали отъ усадьбы, тѣмъ снѣгу становилось все меньше и меньше, а у самаго лѣса и совсѣмъ его не стало.

Но вотъ мы уже приѣхали къ мѣсту назначенія.

У одного изъ острововъ линейка наша остановилась и мы, приготовившись, стали выстраиваться вдоль опушки. Я пошелъ впередъ, за мной Конрадычъ, а за нимъ братъ.

Алексѣичъ, давъ намъ отойти другъ отъ друга шаговъ на пятьдесятъ, спустилъ со своры гончихъ. Обрадовавшись свободѣ, онѣ вразсыпную кинулись въ лѣсъ и слышно было, какъ постепенно смолкалъ шумъ отъ ломавшихся подъ ихъ ногами сухихъ сучьевъ.

Наконецъ, все смолкло и мы стали прислушиваться съ напряженнымъ вниманіемъ.

Вокругъ насъ воцарилась почти мертвая тишина. Изрѣдка только тишина эта нарушалась трескомъ падавшихъ на землю сухихъ вѣтокъ, да откуда-то издали едва слышно доносился протяжный гулъ церковнаго колокола.

Не прошло и десяти минутъ, какъ вдругъ на противуположномъ отъ насъ концѣ острова раздался отрывистый, звонкій лай одной изъ собакъ Конрадыча—„Квинты“. Нѣсколько секундъ спустя къ нему присоединился лай другой, третьей собаки и весь лѣсъ огласился этимъ дивнымъ, не смолкаемымъ, но гармонировавшимъ съ окружающей природой, концертомъ.

То онъ какъ-будто затихалъ и уносился куда-то вдаль, то вдругъ съ новой силой становился все яснѣе и громче.

Трудно передать то состояніе, въ которомъ находится въ это время охотникъ.

Руки дрожатъ. Курки взведены. Ружье каждую секунду готово вскинуться. Сердце начинаетъ биться все сильнѣе и сильнѣе. Дыханіе замираетъ.

Въ это время въ кустахъ, не далеко отъ Конрадыча, что-то зашумѣло и на опушку, выскочилъ „косой“.

Прижавъ къ спинѣ длинныя уши и вытянувшись во всю длину, онъ не бѣжалъ, а летѣлъ. Но,—одинъ моментъ,—Конрадычъ спустилъ курокъ и нашъ косой, перевернувшись нѣсколько разъ черезъ голову, упалъ мертвый.

Перезарядивъ наскоро ружье, Конрадычъ пошелъ по направленію къ зайцу.

Въ это время, какъ разъ изъ того же мѣста, откуда

выскочилъ „косой“, показались одна за другой три гончія и въ нѣсколько прыжковъ очутившись около убитаго зайца, съ ожесточеніемъ начали его трепать. Къ счастью, въ этотъ моментъ подоспѣлъ Конрадычъ и заяцъ былъ отбитъ, такъ что „первый блинъ“ не оказался „комомъ“. Собаки, облизываясь и съ сожалѣніемъ поглядывая на отнятаго зайца, направились обратно къ опушкѣ и скрылись въ чащѣ кустовъ, не теряя надежды, если удастся, продѣлать то же самое со слѣдующимъ зайцемъ.

Покуда Конрадычъ возился съ гончими, въ противоположномъ концѣ острова начался опять „гонъ“, въ которомъ я узналъ голосъ своей „Зюлейки“. Только, къ сожалѣнію, этотъ гонъ, повидимому, уходилъ все дальше и дальше въ правую сторону.

Давъ знать Конрадычу, чтобы онъ подвигался за мной, я пошелъ быстро впередъ. Но не прошелъ я и десяти сажень, какъ въ разстояніи пятидесяти шаговъ отъ меня показался на опушкѣ громадный „русакъ“.

Онъ бѣжалъ тихо и, увидавъ меня, свернулъ въ сторону. Я не вытерпѣлъ, остановился и спустилъ курокъ. Заяцъ бросился впередъ и послѣ второго выстрѣла, круто повернувшись налѣво, скрылся въ лѣсу.

„Промазалъ!“ съ досадой подумалъ я про себя и перемѣнилъ въ ружьѣ патроны.

Въ это время въ сторонѣ раздались почти одновременно два выстрѣла—одинъ изъ ружья, а другой какъ-будто изъ пушки—это стрѣляли братъ и Алексѣичъ изъ своей „двухстволки“.

Наконецъ, гонъ мало-по-малу прекратился и гончія стали выбѣгать на опушку безъ лая—это онѣ бѣжали по старымъ слѣдамъ. Значить, зайцевъ тутъ больше нѣтъ и пора давать сигналъ къ „сбору“.

Какъ это было для меня ни печально, но я взялся за рогъ и протрубилъ „сборъ“.

Съ противоположнаго конца мнѣ отвѣтилъ Алексѣичъ и мы начали сходить къ подъѣзжавшей линейкѣ.

Въ этотъ загонъ только одному мнѣ не посчастливилось, у всѣхъ же остальныхъ было по одному зайцу. Но

я, по обыкновенію, не унывалъ и надѣялся впереди вознаграждать себя сторицею.

И дѣйствительно,—у слѣдующаго острова, который былъ гораздо больше предыдущаго, я все попадалъ на такія прекрасныя мѣста, что едва успѣвалъ перезаряжать ружье и подбирать зайцевъ, которые такъ на меня и выскакивали.

Поэтому, когда мы покончили съ этимъ островомъ, то я не только догналъ остальныхъ, но у меня оказалось даже противъ нѣкоторыхъ однимъ, а противъ другихъ двумя зайцами больше.

„Заморивъ наскоро червячка“, захваченной холодной закуской, и, несмотря на то, что у насъ было уже набито, въ общей сложности, около двѣнадцати зайцевъ — число довольно солидное, мы, не измѣняя обще принятому плану, двинулись, минуя остальные острова, къ „заповѣдной рошѣ“.

Какъ я уже говорилъ, эта роша примыкала къ одному изъ острововъ и отдѣлялась отъ него только неширокой лѣсной дорогой, служившей въ то же время и межей.

Оставивъ Алексѣича съ гончими въ началѣ этого острова, мы доѣхали до дороги—межи и растянулись вдоль ея. Въ это время по данному сигналу онъ спустилъ гончихъ и поспѣшилъ направиться къ намъ.

Удивительно, что всѣ зайцы, находившіеся въ этомъ островѣ никогда не выбѣгали на опушку, а прежде всего старались перебѣжать въ сосѣднюю рошу черезъ ту самую дорогу, на которой мы стояли.

Наученные уже горькимъ опытомъ, мы прекрасно знали привычку „косого населенія“, почему и поторопились занять эту позицію.

Лишь только начался гонъ, какъ вдоль нашей линіи поднялась такая пальба, что даже собирать зайцевъ не было никакой возможности, пока не показались на опушкѣ гончія.

Я удивлялся, какъ это Алексѣичъ успѣвалъ такъ быстро заряжать свое шомпольное ружье. Съ правой стороны то и дѣло раздавались почти ежеминутно ужасные, громовые выстрѣлы изъ его „пушки-двухстволки“. Но вся эта жаркая пальба продолжалась не болѣе пятнадцати минутъ. На опушкѣ показалась наша четвероногая команда и намъ

пришлось приняться за спасеніе своихъ трофеевъ. Забравъ ихъ, мы начали сходитьсѣ къ линейкѣ, чтобы направиться домой. Каждый, конечно, старался похвастать своей удачей, но всѣхъ больше на этотъ разъ посчастливилось Алексѣичу. Оказалось, что онъ палилъ съ такимъ азартомъ не даромъ, такъ какъ, кромѣ трехъ зайцевъ „русаковъ“ и одного „бѣляка“, убилъ еще роскошную большую лису.

До сихъ поръ еще хранится у меня коврикъ, сдѣланный изъ этой лисы, которую онъ подарилъ мнѣ въ знакъ особаго ко мнѣ расположенія.

Это единственная вещь, оставшаяся у меня на память объ Алексѣичѣ, котораго уже давно не существуетъ на свѣтѣ.

Кстати замѣчу—конецъ его жизни былъ очень печаленъ. Онъ умеръ и причиной его смерти была его вѣрный и не разлучный другъ, никогда не измѣнявшая ему двухстволка.

Однажды онъ участвовалъ въ одной большой облавѣ на волковъ. На него сразу выскочили три волка, и по свойственной каждому страстному охотнику горячности, онъ поторопился; по ошибкѣ спустилъ разомъ оба курка, ружье разорвало и осколкомъ отъ ствола ему разсѣкло голову.

„Двухстволка“ на этотъ разъ измѣнила.

Рана была не особенно опасна. Перевязавъ ее на скорую руку платкомъ, мы сейчасъ же отправили его въ земскую больницу, которая была неподалеку.

Но возрастъ и здоровье Алексѣича были таковы, что организмъ его уже не въ силахъ былъ перенести этого потрясенія.

На третій день онъ впалъ въ безсознательное состояніе и тихо заснулъ для того, чтобы никогда уже больше не просыпаться.

Предчувствуя близость своей смерти, онъ не высказывалъ сожалѣнія о томъ, что расстаётся съ жизнью. Да и жалѣть-то ему теперь было нечего, да и некого.

— Все бы ничего говорилъ онъ наканунѣ своей смерти, „слава Богу, пожито довольно, только вотъ малость съ охотой, значить, жалко разставаться!